

Общевразийский национализм **Н. С. Трубецкой**

Если прежде основным фактором, спаивавшим Российскую Империю в одно целое, являлась принадлежность всей территории этого государства единому хозяину-русскому народу, возглавляемому своим русским царем, то теперь этот фактор уничтожен. Возникает вопрос: какой же другой фактор может теперь спаять все части этого государства в одно государственное целое? В качестве такого объединяющего фактора революция выдвинула осуществление известного социального идеала. СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик социалистических, т. е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно эта общность идеала объединяет все эти республики в одно целое.

Общность социального идеала и, следовательно, того направления, по которому устремляется государственная воля всех отдельных частей нынешнего СССР, разумеется, является мощным объединительным фактором. И даже если со временем характер этого идеала изменится, все же самый принцип обязательной наличности общего идеала социальной справедливости и общей воленарправленности к этому идеалу должен продолжать лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне объединены в СССР. Но спрашивается, достаточно ли одного этого фактора для объединения разных народов в одно государство? В самом деле, ведь из того факта, что Узбекская Республика и Белорусская Республика обе руководствуются в своей внутренней политике стремлением к достижению одного и того же социального идеала, вовсе еще не следует, чтобы обе эти республики обязательно должны были объединиться под сенью одного государства. Мало того, из этого факта даже не следует, чтобы эти две республики не могли враждовать или воевать между собой. Ясно, что одной общности социального идеала недостаточно и что националистически-сепаратистским стремлениям отдельных частей СССР должно быть противопоставлено что-то еще. В современном СССР таким противоядием против национализма и сепаратизма является классовая ненависть и сознание солидарности пролетариата перед лицом постоянно грозящей ему опасности. В каждом из народов, входящих в состав СССР, полноправными гражданами признаются только пролетарии, и, в сущности, самый Советский Союз составляют не столько народы, сколько именно пролетарии этих народов. Захватив власть и осуществляя свою диктатуру, пролетариат разных народов СССР в то же время постоянно чувствует себя под угрозой своих врагов, как внутренних (ибо социализм еще не наступил, и в переживаемую «переходную» эпоху приходится допускать существование капиталистов и буржуев даже внутри СССР), так и внешних (в лице всего прочего мира, пребывающего всецело во власти международного капитализма и империализма). И вот для того, чтобы успешно отстаивать захваченную власть против происков врагов, пролетариям всех народов СССР и необходимо объединиться в одно государство.

Благодаря этому взгляду на смысл существования СССР, советскому правительству оказывается возможным бороться с сепаратизмом: сепаратисты стремятся к разрушению государственного единства СССР, но это единство необходимо пролетариату для отстаивания захваченной им власти, следовательно, сепаратисты являются врагами пролетариата. По той же причине оказывается возможным и необходимым бороться и с национализмом, так как этот последний легко может быть истолкован как скрытый сепаратизм. К тому же, согласно марксистской доктрине, пролетариат лишен националистических инстинктов, которые являются атрибутами буржуазии и плодом буржуазного строя. Борьба против национализма осуществляется уже самим фактом перенесения центра народного внимания из сферы национальных эмоций в сферу эмоций социальных. Сознание национального единства, являющееся предпосылкой всякого национализма, оказывается подорванным обостренной классовой враждой, а большинство национальных традиций опорочено связью с буржуазным строем, с аристократической культурой или с «религиозными предрассудками». При всем том честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан официальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область официально называется по населяющему его народу.

Итак, можно сказать, что фактором, связывающим все части нынешнего СССР в одно государственное целое, опять является наличие официально признанного единого хозяина всей государственной территории; только прежде таковым хозяином признавался русский народ, возглавляемый своим царем, а теперь таковым хозяином считается пролетариат всех народов СССР, возглавляемый коммунистической партией.

Недостатки только что описанного современного решения вопроса сами собой очевидны. Не говоря уже о том, что деление на пролетариат и буржуазию по отношению ко многим народам СССР либо вовсе непроводимо, либо совершенно малосущественно и искусственно; следует особенно подчеркнуть, что все это решение вопроса само в себе несет указание на свою временность. В самом деле, ведь государственное объединение народов и стран, в которых власть захвачена пролетариатом, является целесообразным только с точки зрения данного этапа борьбы пролетариата со своими врагами. Да и самый пролетариат как угнетаемый класс, согласно марксизму, есть явление временное и подлежащее преодолению. То же следует сказать и о классовой борьбе. Таким образом, при описанном выше решении вопроса единство государства оказывается покоящимся не на каком-нибудь принципиально постоянном основании, а на основании принципиально временном, преходящем. Это создает нелепое положение и целый ряд совершенно нездоровых явлений. Чтобы оправдать свое существование, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, приходится самому создавать объекты классовой ненависти в лице новой буржуазии с тем, чтобы

натравливать пролетариат на этот класс и т. д. ... Словом, приходится все время поддерживать в сознании пролетариата представление о том, что положение его в качестве единого хозяина государства крайне непрочное.

В задачу этой статьи не входит критиковать коммунистическую концепцию государства по существу. Мы рассматриваем здесь идею диктатуры пролетариата только в одном ее аспекте, именно как фактор, объединяющий все народы СССР в одно государственное целое и противостоящий националистически-сепаратистским течениям. И следует признать, что в этом своем аспекте идея диктатуры пролетариата, хотя до сих пор и оказывалась действенной, не может стать прочным, непреходящим решением вопроса. Национализм отдельных народов СССР развивается по мере того, как эти народы все более свыкаются со своим новым положением! Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создают в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией «пришлых элементов» и желание попрочнее закрепить свое положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Все это создает самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистским уклоном. Против этого идея диктатуры пролетариата оказывается бессильной. Пролетарий, попавший к власти, оказывается обладающим, при этом иногда даже в очень сильной дозе, теми националистическими инстинктами, которые, согласно доктрине коммунизма, у настоящего пролетария должны отсутствовать. И такого попавшего к власти пролетария интересы мирового пролетариата, оказывается, волнуют гораздо меньше, чем это полагается по доктрине коммунизма...

Таким образом, идея диктатуры пролетариата, сознание солидарности пролетариата и разжигание классовой ненависти в конце концов должны оказаться недействительными средствами против развития националистических и сепаратистских стремлений народов СССР.

Современное решение вопроса о принципе государственного объединения частей бывшей Российской Империи логически вытекает из марксистского учения о классовой природе государства и из свойственного марксизму пренебрежения к национальному субстрату государственности. Но следует признать, что для сторонников этого учения ничего и не остается другого, как заменить идею господства одного народа идеей диктатуры одного класса, т. е. подменить национальный субстрат государственности субстратом классовым. А из этой подмены все дальнейшее вытекает само собой. Таким образом, коммунисты во всяком случае гораздо более правы и последовательны, чем те демократы, которые, отрицая единый национальный субстрат русской государственности, проповедают широкую областную автономию или федерацию без классовой диктатуры, не понимая, что при таких условиях существование единого государства немыслимо.

Для того чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом классовый субстрат, как мы видели выше, способен объединить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно, следовательно, только при наличии этнического (национального) субстрата. Таковым до революции был русский народ. Но теперь, как указано выше, уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории, не может исполнить роли такого единственного собственника всей государственной территории.

Следовательно, национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию - Евразией, ее национализм - евразийством... В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т.е. евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. Сообразно с этим должен строиться национализм каждого из этих народов: общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино.

Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжения и симпатий (обратные случаи, т.е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии, между двумя народами в Евразии очень редки). Одних этих подсознательных чувств, разумеется, недостаточно. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов. Ведь по какому-нибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую не чисто евразийскую группу

народов: так, русские по языковым признакам входят в группу славянских народов, татары, чувашаи, черемисы и пр.- в группу так называемых «туранских» народов, татары, башкиры, сарты и пр. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов.

Но эти связи для всех названных народов должны быть менее сильными и яркими, чем связи, объединяющие эти народы в евразийскую семью: ни панславизм для русских, ни пантуранизм для евразийских туранцев, ни панисламизм для евразийских магометан не должны быть на первом плане, а - евразийство. Ибо все эти «пан-измы», усиливая центробежные силы частнонародных национализмов, подчеркивают одностороннюю связь данного народа с какими-то другими народами только по одному ряду признаков и потому не способны создать из этих народов никакой реальной и живой многонародной нации - личности.

В евразийском же братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям.

Ничего подобного нельзя сказать о тех группах народов, которые лежат в основе понятий панславизма, пантуранизма или панисламизма: ни одна из этих групп не объединена в такой степени единством исторической судьбы входящих в нее народов. И потому ни один из этих «пан-измов» не является прагматически ценным в той мере, как общевразийский национализм. Национализм этот не только прагматически ценен, но прямо даже жизненно необходим: ведь мы уже видели, что только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части, к величайшему несчастью и страданию всех ее частей. Для того чтобы общевразийский национализм мог успешно выполнить свою роль фактора, объединяющего евразийское государство, необходимо, соответственно, перевоспитать самосознание народов Евразии. Конечно, можно сказать, что таким перевоспитанием занимается уже сама жизнь. Уже один тот факт, что все евразийские народы (и, кроме них, ни один другой народ в мире) вот уже сколько лет совместно переживают и изживают коммунистический режим, - уже один этот факт создает между всеми этими народами тысячу новых психологических и культурно-исторических связей и заставляет их всех ясно и реально ощущать общность их исторических судеб. Но этого, конечно, мало. Необходимо, чтобы те отдельные люди, которые уже сейчас ясно и ярко осознали единство многонародной евразийской нации, проповедовали это свое убеждение, - каждый в той евразийской нации, в которой он работает. Здесь - непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников,

музыкантов и для ученых самых различных специальностей. С точки зрения единства многонациональной евразийской нации надо пересмотреть целый ряд наук и построить новые научные системы в замену старых, обветшавших. В частности, с этой точки зрения совершенно по-новому придется строить историю народов Евразии, в том числе и русского народа...

Во всей этой работе по перевоспитанию национального самосознания с установкой на симфоническое (хоровое) единство многонациональной нации Евразии русскому народу, быть может, придется напрягать свои силы более, чем какому бы то ни было другому народу Евразии. Ибо, во-первых, ему более, чем другим, придется бороться со старыми установками и точками зрения, строившими русское национальное самосознание вне реального контекста евразийского мира и отрывавшими прошлое русского народа от общей перспективы истории Евразии. А во-вторых, русский народ, который до революции был единственным господином всей территории России-Евразии, а теперь является первым (по численности и по значению) среди евразийских народов, естественно должен подавать пример другим. Работа евразийцев по перевоспитанию национального самосознания в настоящее время протекает в исключительно тяжелых условиях. На территории СССР такая работа открыто вестись, конечно, не может. В эмиграции же преобладают люди, неспособные в своем сознании реализовать объективные сдвиги и результаты революции. Для таких людей продолжает существовать Россия как совокупность территориальных единиц, завоеванных русским народом и принадлежащих на правах полной и нераздельной собственности одному этому русскому народу. Поэтому самой проблемы создания общеевразийского национализма и утверждения единства многонациональной евразийской нации эти люди понять не могут. Для них евразийцы - изменники, потому что понятие «России» заменили понятием «Евразии». Они не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту «замену», не понимают того, что их русский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы «возродить», реально возможна только при отделении всех «окраин», т.е. - в границах этнографической Великороссии. Другие эмиграционные течения нападают на евразийство с противоположной стороны, требуют отказа от утверждения какой бы то ни было национальной самобытности и полагают, что Россию можно построить на началах европейской демократии, не выдвигая ни единого национального, ни единого классового субстрата русской государственности. Будучи представителями отвлеченно-западнических настроений старых поколений русской интеллигенции, эти люди не хотят понять, что для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, к органическому единству, каковое может быть только либо этническим, либо классовым, и что поэтому при современных условиях возможно только два решения: либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и

своеобразия многонародной евразийской нации и общеевразийский национализм.

1927 г.